

**ПРЕДМЕТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

Объектом исследования в истории, как известно, выступает общество в его историческом прошлом. Однако определение объекта исследования не исчерпывает проблему идентификации специфики, особенности дисциплины. Чтобы установить место дисциплины в системе научного знания, необходимо указать на те свойства и связи объекта, которые изучаются в рамках данной дисциплины, т.е. необходимо очертить контуры предмета исследования, определив, таким образом, основной признак, по которому одна наука отличается от другой. Без определения границ предмета невозможно убедительно поставить аналитическую проблему и задачи, составить программу исследования. Однако в общественных дисциплинах, в том числе в истории, вопрос предмета науки отличается особой сложностью и дискуссионностью.

В свое время известный канадский психолог Ганс Селье¹²¹¹ выделил два типа познающих субъектов: унификаторов, которые стремятся выявлять общие, универсальные черты, закономерности, и диверсификаторов, которые дробят познаваемую реальность на детали, стремясь описать ее мельчайшие элементы и тончайшие оттенки. Не отрицая ценности обоих познавательных процессов, многие специалисты все же признают в качестве условия научности лишь выявление общих черт, универсалий, организующих объект изучения.

Между тем, издавна отмечалась существенная методическая, процедурная специфика гуманитарных наук (нехарактерность для гуманитарных наук дедуктивных методов, которые со времен Платона и Аристотеля считались единственно доказательными или научными; некоторая расплывчатость существующих в гуманитарных науках критериев истинности по сравнению, например, с физикой или химией). В конце XIX – начале XX в. В. Виндельбанд и Г. Риккерт, представители неокантианского направления в философии, в своей классификации, построенной в зависимости от метода, подхода к изучаемому объекту, провели четкую демаркационную линию между естественными и гуманитарными науками. Первые (номогенетические – генерализирующие) преследуют цель открытия законов; вторые же (идиографические – индивидуализирующие) имеют целью описание единичного и неповторимого. «Первые учат тому, что повторяется, последние – тому, что было однажды»¹²¹². Неокантианство, таким образом, признало уделом гуманитарных наук лишь диверсифицирующий познавательный процесс, фактически исключив их из обоймы «настоящих» наук.

Общество составляют люди, действующие в соответствии с интересами, наделенные рассудком и волей. В этом заключается кардинальное отличие объекта истории от объектов естественных наук. Отсюда следует одна из важнейших проблем социальных дисциплин, которая заключается в выборе конституирующего начала, каковым может выступать как общее (общество), так и индивидуальное (индивид).

Естественные науки имеют в качестве объекта исследования природу и естественные процессы, которые подчиняются естественным, объективным закономерностям. Целью естествознания и является реконструкция последних. Имеется ли что-либо аналогичное в гуманитарных, в первую очередь – в исторической, науках? Есть достаточно оснований для положительного ответа на этот вопрос.

¹²¹¹ См.: Селье Г. От мечты к открытию: Как стать ученым. М., 1987.

¹²¹² См.: Риккерт Г. Философия жизни. Киев, 1998; Он же. Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб., 1997; Виндельбанд В. О свободе воли. Минск, М., 2000; Он же. История новой философии. В 2 т. М., 2000.

Исторический процесс отчасти носит естественный характер, что обуславливается биологическими (отсюда биологическая необходимость – половая, возрастная, индивидно-наследственная), географическими, природно-климатическими, технологическими, производственными, институциональными, структурно-семиотическими и прочими составляющими, а также вероятностным характером равнодействующей сознательных (интенциональных) усилий творящих историю субъектов.

Историческая наука имеет в качестве одной из целей своего познания реконструкцию объективных, не зависящих от воли и сознания участвующих в историческом процессе индивидуумов, зависимостей (объективных регулятивов или объективных закономерностей). Их можно было бы назвать детерминантами, хотя обычно стохастический характер истории делает такое наименование условным. К числу объективных регулятивов принадлежат разнообразные функциональные, причинно-следственные зависимости, отношения включенности, системности и т.д. Они варьируются в значительном диапазоне устойчивости-неустойчивости, детерминизма-вероятности. Они обеспечивают как стабильность исторической реальности, так и ее динамику и трансформации. М.А. Барг, опираясь на критерий «масштаб действия», выделил три уровня исторических закономерностей – объективных регуляторов: 1) универсального (надрегионального) действия; 2) стадийно-формационного; повторяемость ограничена пределами одного стадийно-формационного региона; 3) субгубо регионального действия¹²¹³.

Но историческая реальность не исчерпывается лишь объективными регулятивами. Способность человека подражать, действовать по образцам обуславливает появление закономерностей, которые являются исключительной спецификой исторической реальности, отсутствующей в физической реальности. Данные закономерности можно было бы назвать субъективными регулятивами.

Имеются ввиду нормативы, возникающие субъективно в целях упорядочения социальной действительности путем организации определенных линий поведения и имеющие, соответственно, субъективную природу (К.Р. Поппер: «нормативное предположение о некоторой линии поведения или норме с целью принятия после последующей дискуссии и решение о принятии этой линии поведения или нормы создают эту линию поведения или норму»)¹²¹⁴.

Это разнообразные, созданные человечеством, регулятивные системы: нормативные предписания, социальные стереотипные ценностные установки, традиции, обычаи, образцы производственной деятельности, образцы поведения, речи, мышления и т.д., которые также властно вмешиваются в ход исторического процесса, дирижируя его, диктуя его конкретные шаги.

Импульс субъективной закономерности может задавать как вполне осознанное, планируемое, точно фиксируемое волеизъявление (например, в государственном законе, политике правительства), так и спонтанное, конвергентное, растянутое во времени рождение экземпляров поведения (например, традиция). Сфера и масштаб действия и последствий субъективных закономерностей могут быть различными: от этикетных-инструкций, определяющих правила поведения в быту, до нормативных предписаний, согласно которым функционируют разнообразные общественные подсистемы.

Поскольку субъективные регулятивы по определению носят субъективный характер – они суть некоторые правила, которые можно соблюдать, но можно и нарушать (Д.В. Деопик: «...нормативные источники (законы, положения о званиях и прочее) ориентированы на должное, а не на существующее. Они всегда – обобщение, основывающееся как на обобщенном описании реальности, так и на плане ее систематизации в будущем с определенной целью. Оба обстоятельства приводят к

¹²¹³ Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 174–204.

¹²¹⁴ Поппер К.Р. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., 1983. С. 399.

несоответствию многих положений «нормы» (представленной соответствующим обобщающим источником) и «практики» (представленной текущей документацией)»¹²¹⁵, – постольку можно говорить о разных типах соотношения между нормативными системами и исторической действительностью. Возможно алегальное, нестандартное поведение. Возможны индивидуальные стереотипы, окказиональное нестереотипное поведение.

Юридический норматив обыкновенно неполно отражает реальную историческую жизнь. Между нормой и реальной жизнью могут существовать довольно независимые отношения, если закон «не работает», если историческая практика обгоняет архаичные юридические устои. Так, на протяжении XVIII в. выделяют три модуля взаимоотношений между юридической нормой (метатекстом) и бытовой реальностью (текстом): 1) система Петра I (повседневное течение жизни рассматривается как неправильное, ущербное; норма активно направлена в сферу практики, которую и должно переустроить в соответствие с этой нормой); 2) система Екатерины II (самостоятельное, независимое развитие сфер метатекста и текстов); 3) система Павла I (вновь сфера норм активно направлена на сферу практики; при этом последняя совершенно игнорируется)¹²¹⁶.

Существенную помощь в изучении субъективных закономерностей может оказать теория «нормативных систем и социальных эстафет» московского философа М.А. Розова. К основным положениям теории относятся системы экземпляров поведения (образцы производственной деятельности, образцы поведения, речи, мышления) и механизмы экземплификации (копирования, воспроизведения этих образцов). «Образец, – отмечает М.А. Розов, – это всегда нечто непосредственно данное, наблюдаемое, нечто такое, что можно продемонстрировать. Воспроизведение образцов, их «передача» от человека к человеку, от поколения к поколению и образует эстафету, в рамках которой предшествующие акты деятельности или поведения определяют, нормируют акты последующие. ... Социальные эстафеты очень напоминают так называемые автоволны, т.е. волны в активных средах, в средах с распределенными запасами энергии. Автоволна – это самоподдерживающийся сигнал, распространяющийся как бы по эстафете и заново воспроизводящийся в каждой последующей точке среды. ... Термин «эстафета» ориентирует на процессуальность, на воспроизведение некоторого состояния во времени. «Нормативная система» – это, наоборот, фиксация статичности, фиксация синхронного среза». Под нормативными системами, таким образом, М.А. Розов понимает нечто гораздо большее, нежели мы под рассмотренными выше субъективными регулятивами: любая акция человека в обществе выступает как актуальный или потенциальный образец, как норматив, который может породить или порождает последующие реализации. Существенный момент теории – механизм трансляции, распространения нормативов, который имеет подобие волны и связан со способностью человека действовать по образцам¹²¹⁷.

Как объективные, так и субъективные регулятивы выполняют во-многом схожие функции. Во-первых, это поддержание некоторого социального гомеостаза (объективные регулятивы), социальной упорядоченности (субъективные регулятивы). Во-вторых, обеспечение трансформаций, социальных переходов, изменений. Субъективные регулятивы выполняют еще одну функцию – адаптации к среде, – аналог которой, пожалуй, невозможно подобрать в наборе функций, обслуживаемых объективными регулятивами. Механизмы же функционирования рассматриваемых регулятивов носят

¹²¹⁵ Деоник Д.В. Типы социальной терминологии кхмеров (VI—XIII вв.) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 105. В философском плане асимметрию нормативов и фактов рассматривает К.Р. Поппер (Поппер К.Р. Ук. соч. С. 398—413).

¹²¹⁶ Лотман Ю.М., Успенский Б.А. К семиотической типологии русской культуры XVIII в. // Материалы научной конференции (1973 г.). Художественная культура XVIII в. М., 1974. С. 266—272.

¹²¹⁷ Розов М.А. Методологические особенности гуманитарного познания // Проблемы гуманитарного познания. Новосибирск, 1986. С. 33—54.

различный характер. Если первые действуют структурно и кумулятивно (переход количества в качество), то вторые функционируют эстафетно.

Соотношение между объективными и субъективными нормативами в истории, возможно, напоминает соотношение между законами и правилами в языкознании: 1) законы объективны, неконвенциальны, т.е. не зависят от воли индивида или общества; правила субъективны, зависят от установки (воли) общества; 2) законы ненарушимы: носители языка подчиняются им бессознательно; правила не должны, но могут нарушаться и нарушаются носителями языка; 3) служба слежения за выполнением языковых законов – нелепость; служба слежения за выполнением правил языка необходима и существует во всех обществах; 4) законы подлежат открытию в теоретическом языкознании (пока не познаны – они «вещь в себе»); правила подлежат формулированию и внедрению в практику¹²¹⁸.

Дихотомия описанных регуляторов относительна. Обыкновенно объективные факторы реализуются не непосредственно, а через опосредование сферой человеческого сознания («фильтры сознания», «менталитет», «парадигма», «картина мира», «идеология» ...). Известный историк-медиевист А.Я. Гуревич писал по этому поводу: «Причинность в истории не аналогична причинности в природе: не всякое действие однозначно вызывает всякий раз одно и то же следствие, и связь отдаленных материальных причин с человеческими поступками, индивидуальными и коллективными, столь сложно опосредована всем строем цивилизации, особенностями сознания и мировосприятия людей, которые выступают в качестве субъектов исторической деятельности, что без исследования этого мировосприятия и связанного с ним социального поведения исторические факты остаются как бы безжизненными – это факты «социальной физики», но не исторически конкретные деяния людей, обладающих чувствами, сознанием, создающими свою конкретную картину мира»¹²¹⁹. Но посредником может выступать и подосознание «ситуация «необдуманного» действия, дающего собой модель рационального объяснения У. Дрея»¹²²⁰. Объективные факторы могут существовать и действовать вообще независимо от человеческого сознания. Поэтому даже следующая схематическая цепочка (объективные факторы, «картины мира», человеческое поведение) не абсолютна.

С другой стороны, механизмы мотивации, целеполагания нередко имеют какую-либо объективную подкладку, подоплеку. Но опять же – это не непременное и не обязательное условие. Можно привести огромное количество примеров совершенно независимых, перпендикулярных отношений между объективными и субъективными регулятивами.

А.Я. Гуревич, ссылаясь на наблюдения М. Блока и Ж. Дюби, отмечал, что в Европе раннего средневековья при хронических неурожаях и голоде, при производительных силах, деградировавших по сравнению с позднеримской эпохой, рыцари и знать нередко позволяли себе безудержное и иррациональное расточительство, без счета истребляя ценности (засевая поля монетами, сжигая свои конюшни вместе с дорогостоящими лошадьми и т.п.). Единственной целью этих трат, совершенно противоречивших экономической (объективной) законосообразности, было продемонстрировать своему окружению собственную щедрость и широту¹²²¹.

Любопытный пример разнонаправленности объективных и субъективных регулятивов приводил знаток Уральского казачьего войска Н.А. Бородин. Первые опыты использования казаками-богатеями сенокосилок не всегда были удачными (1870-е гг.).

¹²¹⁸ См.: Черемисина М.И. Законы и правила в языкознании // Методологические и философские проблемы языкознания и литературы. Новосибирск, 1984. С. 9—21

¹²¹⁹ Гуревич А.Я. «Новая историческая наука» во Франции: достижения и трудности (критические заметки медиевиста) // История и историки. Историкографический ежегодник. М., 1985. С. 122.

¹²²⁰ См.: Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке // Философия и методология истории. М., 1977. С. 37—72; Гемпель К. Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении // Там же. С. 83—93.

¹²²¹ Гуревич А.Я. Ук. соч. С. 123.

Дело в том, что в Уральском войске практиковался своеобразный способ покоса «ударом». Название это перешло к сенокосу от речных рыболовств, в которых практикуется тот же прием одновременного начала производства промысла для громадной массы участников, что собственно и носит характерное и вполне подходящее название: «удар». Естественно, что использование отдельных казаками сенокосилок ставило их в гораздо более выгодное положение по сравнению с основной массой казачества. В этой ситуации войсковое хозяйственное правление запретило использование сенокосилок, конфисковало у одного, успевшего уже накосить до 200 стогов, все «неправильно накошенное сено». Н. Бородин замечал по данному поводу: «Здесь, стало быть, мы встречаем любопытный пример столкновения общинного владения с введением в употребление усовершенствованных орудий производства: община является здесь регрессивной с технической стороны, но такое направление обуславливается соблюдением выгод большинства общинников»¹²²². Итак, вновь пример разновекторного функционирования объективной законосообразности и субъективного регулятива (в данном случае нормы обычного права). Вскоре, однако, общинные порядки уступили техническому прогрессу.

Констатация наличия объективных и субъективных закономерностей в исторической реальности еще не исчерпывает предметной области последней. Дело в том, что субъекты исторического процесса, наделенные свободой воли, сознанием, рассудком, имеют определенную свободу выбора, конечно же не безграничную. Как эта свобода выбора осуществляется – это одна из центральных проблем для современной исторической науки. Имеется в виду вечное противоречие между социальными структурами (экономическими, социальными, политическими, институциональными, культурными, ментальными и т.д.) и субъектами истории, наделенными волей и свободой выбора, между детерминизмом и человеческими возможностями выходить за рамки установленных прошлым ограничений. Суть проблемы, иначе говоря, заключается в объяснении того, как социальные субъекты («факторы»), сформировавшиеся в социальных структурах прошлого, приобретают способность выстраивать новые формы социальной организации и социальных отношений. Попытки решения данной проблемы связаны с поисками возможностей эксплуатации непоследовательностей, несвязностей социальных, политических и других систем¹²²³. Одним из следствий присущей человечеству возможности становятся особые, уникальные случаи, необычные тексты, которые, например, объемлют наиболее совершенные творения культуры. Пройти мимо них, не уделив им внимания, было бы непростительным легкомыслием. Изучать эти уникальные явления лишь с точки зрения поиска в них готового, нормативного, общего с другими текстами – значило бы серьезно обеднить как историческое прошлое, так и результаты наших исследований.

На наш взгляд, наиболее четко подход к изучению уникальных явлений, культурных шедевров был сформулирован Л.М. Баткиным: «Итак, предметом культурологического исследования, как я разумею и отстаиваю, служит событие текста, случившегося лишь здесь и сейчас, лишь однажды. Причем я пытаюсь пользоваться не выборками из возможно большого числа текстов (что при изучении коллективной средневековой умонастроенности необходимо), а сосредоточиться на вот этом единственном произведении, находя эпохальный контекст свернутым внутри него. Хотелось бы понять, что происходит под пером Элоизы (монахиня, корреспондентка философа П.Абеляра – И.П.), допустим, с риторическими формулами или с намеками на библейскую «Песнь Песней»: ведь неповторимость возникает отнюдь не в отчужденности от общей духовной ситуации. Напротив, неповторимость Элоизы возможно и объяснима лишь в тесной сопряженности с принятыми в ее времена способами думать и вести себя. Однако сознание в качестве культурного, то есть истинно субъектного, не просто погружено в современное ему мировосприятие, но трудится над ним и его преобразует.

¹²²² Бородин Н.А. Уральское казачье войско. Уральск, 1891. Т. 1. С. 304—305, 307—308.

¹²²³ См.: Burke P. *New Perspectives on Historical Writing*. Cambridge, 1993. P. 233—248.

Исторически сложившиеся (для каждого живущего в данную эпоху человека) ценностные установки и словесные формы служат опорой для проявления индивидуальности Элоизы, оформления ее душевного опыта, вне такой почвы безъязыкого и лишенного смысла. Одновременно сама культура переосмысляет, обновляет свою глубинную логику. Все индивидуальное, кристаллизуясь из общего умственного раствора, в своем отношении к эпохе являет некий логически предельный случай. В этом-то состоит его познавательное значение. ... Итак, мы рассматриваем текст как порождающий, а не воспроизводящий смысловое содержание. Средневековая «картина мира», о которой говорит А.Я.Гуревич, не только с этой точки зрения детерминирует «я», она переворачивается внутри него: происходит словно бы вспышка вольтовой дуги между нормой и казусом, и это ключ к ним обоим. Предмет такого исследования – всегда сдвиг сознания, который торжествует над стабильной и даже вековой заданностью»¹²²⁴.

Итак, историка интересуют объективные и субъективные регулятивы, организующие историческую действительность, а также роль случая, порождающего единичные, уникальные тексты и окказиональные поступки. Разнородная природа исторической реальности требует применения различных исследовательских процедур: от достаточно жестких количественных методов до диалогического понимания в бахтинском смысле. «Исследователь-гуманитарий не буквалист. Он хочет понять не столько то, что сказал автор, сколько то, что он хотел сказать; необходимо встретиться с автором – человеком, манифестирующим себя в тексте. Если я не слышу несказанное, не вижу невидимое – мысль, желание, стремление, замысел, одухотворяющие текст, то я не только автора, но и текст-то не понимаю. Ведь текст призван не только что-то сказать, но и что-то утаить, дать между строк (если ты мудр, то поймешь, уловишь эту «неизреченную» мысль – она одна не есть ложь). Но это неизреченное я могу только понять... И – понять только в тексте. Или – в текстах. Я начинаю соотносить этот текст с множеством других, раскрывающих его глубинный смысл, – ведь он всегда на что-то отвечает, что-то переосмысливает, что-то передразнивает, пародирует, что-то (какой-то текст) продолжает, от какого-то текста отталкивается. Текст разрастается диалогизирующими (с ним) текстами, втягивает в себя бесконечный – в века – контекст, становится полифоническим. И – в этом смысле (бесконечно изменяя и углубляя свои смыслы) – понимается. То есть – понимается уже не как этот текст и именно поэтому (на границе диалогизирующих речей) понимается по-настоящему»¹²²⁵. Демаркация между «жесткими» и «мягкими» методами не совпадает с границей между стандартной поведенческой практикой и мировоззрением и творчеством. При изучении последних могут использоваться и формальные методы; предпринимаются, например, попытки построения формальных моделей мышления индивидуальных исторических деятелей¹²²⁶.

Актуальной исследовательской проблемой является изучение характера «взаимодействия» между объективными и субъективными регулятивами. Необходимо показать, в какой степени те и другие способны «уживаться», какие пропорции и какое распределение разнородных регуляторов по сферам исторической реальности позволяет достичь их симфонии. При этом, естественно, необходимо показать эволюцию такого распределения в ходе действительной истории. Трудности подобного исследования очевидны.

¹²²⁴ Баткин Л.М. Об уникальном в истории культуры // Наука и жизнь. 1987. № 9. С. 61—62; Он же. Два способа изучать историю культуры // Вопросы философии. 1986. № 12. С. 104—115.

¹²²⁵ См.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979; Он же. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975; Он же. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972; Библер В.С. Диалог. Сознание. Культура (идея культуры в работах М.М.Бахтина) // Одиссей. Человек в истории. М., 1989. С. 21—59.

¹²²⁶ Например, см.: Луково В.Б., Сергеев В.М. Опыт моделирования мышления исторических деятелей: Отто фон Бисмарк, 1866—1876 гг. // Вопросы кибернетики. Логика рассуждений и ее моделирование. М., 1983. С. 148—160.

Очевидно, что в процессе исследования соотношения объективных и субъективных регулятивов придется выделять этапы превалирования тех или других в зависимости от времени и места, показывать, как модифицировались объективные регулятивы в условиях жесткого прессинга субъективных регуляторов. Необходимо также показать, как в историческом времени объективные и субъективные регулятивы распределялись по различным уровням и историческим (региональным, временным, локальным, отраслевым, институциональным и пр.) нишам. Естественно, что в условиях серьезных исторических трансформаций возрастает роль отдельных исторических личностей, расширяется пространство взаимодействия нормы и случая (третья существенная компонента исторической реальности, на которую было обращено внимание). Без исследования подобного взаимодействия исторический опыт выглядел бы слишком нормативным и нежизненным.

О.С. Поршнев
Екатеринбург

КУЛЬТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЧЕЛОВЕКА В ИСТОРИИ

Изучение человека как продукта определенной культуры невозможно без привнесения теории и методики исследования символических систем, имеющихся в арсенале семиотики. Семиотика выступает прежде всего в качестве метода анализа культурного контекста человеческого существования, позволяющего за непосредственным впечатлением от знака разглядеть более широкие значения и социальные функции знаковых систем¹²²⁷.

Возможности использования семиотики в исторических исследованиях определяются тем, что знаки выполняют роль символов, в которых кодируется информация о мироустройстве в его человеческом восприятии. Благодаря существованию знаковых систем осуществляется трансляция культурного опыта, социальное и культурное взаимодействие в обществе. Культурные значения могут выражаться как с помощью вербальных символов, так и посредством материальных и поведенческих. Первые представляют собой главное средство формирования культурных смыслов и значений, вторые (например, стили одежды), применяясь в человеческой коммуникации, также могут генерировать смыслы.

Символы, как отмечал глава московско-тартуской семиотической школы Ю.М. Лотман, представляют собой один из наиболее устойчивых элементов культурного континуума¹²²⁸. Он подчеркивал, что стержневая группа символов любой культуры имеет глубоко архаическую природу и восходит к дописьменной эпохе, когда определенные (и, как правило, элементарные в начертательном отношении) знаки представляли собой свернутые мнемонические программы текстов и сюжетов, хранившихся в устной памяти коллектива¹²²⁹. Сохраняя смысловую и структурную самостоятельность, символ пронзает синхронный срез культуры по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Константные наборы символов выполняют тем самым функцию механизмов единства культуры. В то же время природа символа двойственна: с одной стороны, он инвариантен, с другой – активно коррелирует с культурным контекстом, трансформируется под его влиянием и сам его трансформирует¹²³⁰. Именно в тех изменениях, которым подвергается

¹²²⁷ Смирнова Е.Р., Шапкина Н.В. Человек в контексте культуры. Введение в социокультурную антропологию. Учебное пособие для студентов гуманитарных специальностей. Саратов, 1997. С. 23.

¹²²⁸ Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Символ в системе культуры. Труды по знаковым системам. Тарту, 1987. Вып. XXI. С. 12.

¹²²⁹ Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Символ в системе культуры. Труды по знаковым системам. Вып. XXI. С. 11.

¹²³⁰ Там же. С. 12.